

Романы о Великой Отечественной войне

От ветерана Советской армии

ГЛАВА 1

В первых числах декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. Германская армия выдохлась, переходила к обороне. В войне на истощение солдаты вермахта оказались не сильны. Они впервые видели, чтобы противник бился до последнего солдата. Резервы у немцев исчерпались, а советское командование сохранило силы и постоянно восполняло потери. Блицкриг провалился, уничтожить Красную армию до зимы оказалось непосильной задачей. Германия втянулась в затяжную войну. Фюрер под давлением генералов подписал директиву о переходе к обороне по всей линии советско-германского фронта.

3 декабря 20-я и 1-я Ударная армии нанесли контрудары у Красной Поляны и начали теснить врага. 5 декабря перешли в наступление войска Калининского фронта. В тылу противника создалось угрожающее положение. Он упорно сопротивлял-

ся, бросался в контратаки, однако командование 9-й немецкой армии отдало приказ об отходе из района Калинина. 16 декабря в город вступили советские войска. Правое крыло фронта вышло на рубеж Волги, охватило с запада и юго-запада город Ржев. 16-я и 20-я армии прорвали оборону на рубеже Истринского водохранилища, устремились на запад.

Самые тяжелые бои развернулись вокруг Клина. В ночь на 15 декабря части 30-й армии генерал-майора Лелюшенко выбили противника из города. 11 декабря двинулась вперед 5-я армия генерал-лейтенанта Говорова, отбросила немцев от Москвы-реки, заняла Локотню, освободила десятки населенных пунктов. На левом фланге шли соединения 29-й армии. Они не смогли прорвать оборону вражеских пехотных дивизий и все же 18 декабря вступили на территорию Волоколамского района. Оперативные группы генералов Катукова и Ремизова с тяжелыми боями подошли к городу и вечером 19 декабря устремились на штурм.

Удар был внезапный, немцы не рассчитывали, что все произойдет так быстро. Густели сумерки, когда пехота под прикрытием танков пошла в атаку. Артиллерийская подготовка не затянулась, но внесла сумятицу в действия врага. Походные ко-

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

лонны перестраивались в боевой порядок, шли в атаку.

Волоколамское шоссе было очищено, проблем с подвозом бойцов и боеприпасов не возникло. Воевать в темноте немцы не любили, но выбора у них не оставалось. Подступы к городу превратились в бушующий ад. Танки взломали оборону, устремились в прорыв. Часть пехоты перемещалась на броне, другие бежали по обочинам. Шинели и тонкие сапоги остались в прошлом. Бойцы были одеты в полушубки с белой оторочкой, светлые ушанки, валенки. Автоматы ППШ в пехотных подразделениях стали нормой жизни. Морозы в конце декабря не отличались свирепостью, но все равно было холодно, дули промозглые ветра. Зима фактически только начиналась, а уже доставила всем немало хлопот.

Но на зиму в этот год советские люди не жаловались. Лучшего подспорья и не придумаешь.

Лейтенант Шубин, одетый в щеголеватый полушубок, стоял у капота тарахтящей полуторки, курил, исподлобья смотрел, как мимо спешат пехотинцы, слушал лязганье траков танков. Бронетехника под Москвой предстала в полном ассортименте. Сверхнадежные, наводящие ужас на врага «Т-34», старые танки «Т-26» и «БТ-7», не отличаю-

щиеся боевыми качествами, но успешно воюющие, танкетки «Т-27», переделанные в тягачи.

Ленд-лиз уже работал, осуществлялись поставки с запада. К декабрю СССР получил уже 750 английских танков «Матильда» и «Валентайн», которые использовались по прямому назначению. До четверти броневых машин в штурмовых колоннах были иностранные. Шли громадины непривычных очертаний с красными звездами на бортах, с маленькими башнями, широкими окнами в броневых листах, прикрывающих гусеницы. Танки «Валентайн» напоминали немецкие — компактные башни, широкие колесные базы. На броне такого чудовища могло разместиться отделение пехоты.

Хозяйство Шубина перевозили три полуторки. Они прижались к обочине, в принципе не мешали движению. Но водители попутных машин выражали недовольство. Бойцы сержантов Пахомова и Левитина, сидящие в кузовах, в долгу не оставались, знали, что ответить.

— Опять разведка ничего не делает! — поддел их красноармеец, проходящий мимо.

— В этом они мастера! — заметил какой-то остряк, и колонна вздрогнула от хохота.

— Отвали, моя черешня! Вы сами еле тащитесь! — выкрикнул, свесившись с борта, один из

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

братьев Ваниных и показал автоматчикам непристойный жест.

В принципе войска не тащились, колонны повзводно уходили с дороги, разворачивались в боевой порядок. Схватка шла в полутора километрах на западе. Окраины Волоколамска покрыли разрывы, всю работу батареи. Огненные сполохи плясали в темнеющем небе. Войска еще топтались у предместий, нащупывали слабые места обороны.

Бойцы взвода заметно нервничали. Застоялись они без настоящего дела.

Нетерпеливо притоптывал у полуторки Алексей Карабаш, ревниво поглядывал на пехоту, оседлавшую броню.

— Облепили, как мухи понятно что, — выдал светловолосый Асташкин, высовываясь из кабины. — Спешат, можно подумать, не успеют.

Шубин и сам не находил себе места. Состояние привычное. Порой устанешь до крайности, ноги еле тащат, мечтаешь о минуте покоя, а полноценный восьмичасовой сон, так это вообще из области фантастики. Когда же настает покой, приходит нервный зуд, начинаешь беспокоиться. Это вполне объяснимо. Ведь такие дела мимо тебя проходят!

Две недели прошло с того дня, как они вернулись из рейда в Булатово. За спасение Насти Томилиной

разведчики заплатили несколькими жизнями, и это до сих пор ее мучило. Тарарам в селе, столкновение с немецкими, извините, коллегами в заброшенном Свято-Успенском монастыре, мелкие чудеса с участием тамошнего батюшки отца Кирилла. Все это ярко стояло перед глазами лейтенанта.

Умирали люди вокруг него, войска несли тяжелые потери. Из погибших ребят, воевавших под началом Шубина, уже можно было сформировать роту. Их лица отпечатались в памяти, жгли ее как раскаленное железо.

Полк, в котором он служил, понес такие потери, что был расформирован. Боеспособные кадры переводились в другие соединения. Вместе с ним и Настей от взвода уцелели четверо, отделались царапинами.

Все они попали в сводную оперативно-тактическую группу генерала Катукова. Это соединение состояло из танковой бригады и стрелковой дивизии, использовалось в качестве тарана на западном направлении.

За неделю боев полк, в котором теперь служили разведчики, поредел до пары батальонов. Погиб комполка Рябинин. Выбило почти всех командиров, особенно нижнего звена.

— Наслышан о твоих подвигах, будешь отвечать за разведку в моем полку, — сказал лейте-

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

нанту майор Суслов, временно исполняющий обязанности комполка. — Сформируешь взвод, наберешь себе толковых людей, если выживешь. Но пока не до этого, действуй с теми, кто есть. Бери взвод погибшего Московченко. В нем тридцать штыков, и ребята славные, не последние неумехи. Когда пойдем на Волоколамск, будешь у меня в резерве.

К западу от столицы разверзся огненный ад. Немцы сопротивлялись так, словно за спиной у них находился Берлин, пятились, хватались за каждый клочок земли. Погиб Гулыгин от шальной мины. Она взорвалась у бойца за спиной, оторвала ноги. Погиб Саня Левашов. Немцы предприняли контратаку, прорвались через перелески на мотоциклах. Саня, с ним еще трое отстреливались из березняка, задержали колонну. Левашов лег последним, подорвав мотоцикл.

Настю Томилину с этого дня Шубин оберегал, держал при себе, удивлял командиров и солдат, но в пекло не пускал. Когда она выходила из-под контроля, он устраивал ей суровые сцены. Девушка замкнулась в себе, утратила образ той бой-бабы, которой была пару месяцев назад. Он до сих пор не мог разобраться в своих чувствах. Настя прикипела к лейтенанту, а он по-прежнему держал ее на дистанции.

От Лиды Разиной, засидевшейся в партизанах у полковника Моисеевского, не было вестей. Отряд воевал в вяземских болотах, сведений о его разгроме не поступало. Но и к своим он не вырвался.

— Не пойму я твоих отношений к этой Томилиной, лейтенант, — проворчал майор Суслов. — Баба сохнет по тебе, а ты... неуверенный какой-то. Она что же, и впрямь такая способная разведчица, как ты расписал? Если хочешь, пристрою ее в штаб дивизии, пусть бумажки в канцелярии перекладывает. Странный ты, лейтенант, прямо как собака на сене. Сам не ешь и другим не даешь.

Война захлестнула его, вытеснила из головы все странные мысли.

В штабе не возражали насчет перевода товарища Томилиной в действующую армию. Женщины мобилизации не подлежали. У нее всегда была возможность вернуться к мирной жизни. После гибели Гулыгина и Левашова эта тема для Насти стала табу. В данный момент девушка находилась при штабе в безымянной деревушке Волоколамского района, и Глеб вздохнул свободно.

Части сводной группы вгрызались в город, а его люди бездействовали.

Лейтенант нервничал, блуждал вдоль обочины. Легкий морозец пощипывал кожу.

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

Карабаш махнул рукой и полез в кабину. Парень поседел за две недели, боялся смотреть на себя в зеркало. Асташкин успокаивал товарища. Дескать, не бери в голову, Леха, седина украшает мужчину. Это те же шрамы. Девки любить будут. Я тоже весь седой, только не знаю об этом, потому что волосы светлые.

По дороге прогрохотали тяжелые танки «КВ», оставив после себя тяжелую вонь.

— Ну, все, фрицы, капут вам в натуральную величину! — со смехом проговорил какой-то красноармеец.

— Товарищ лейтенант, долго еще стоять? — покричал сержант Пахомов, ладно сбитый плечистый малый.

— А я тебе горсправка? — огрызнулся Глеб. — Сколько надо, столько и простоим. А мы почему такие лучезарные? — Он покосился на братьев-близнецов Ваниных, свесившихся с грузовика уральских сталеваров, пришедших на войну прямо из мартеновского цеха.

Оба веселые, ушастые, сделанные под копирку, такие одинаковые, словно в глазах двоится.

Неделю назад произошел конфуз. Шубин только прибыл, успел лишь переговорить с Суловым, как последовал приказ в темпе занять деревню Лебядино, оставленную противником, и выставить

на западной околице пулеметный расчет. Немцы ушли из нее полчаса назад, а может, только приворвались.

С бойцами лейтенант толком не познакомился, даже в лица не заглянул. Они бежали через заснеженное поле всей ватагой, спешили проскочить открытый участок до рассвета, пока у немцев куринная слепота не развеялась, ворвались в деревню, растеклись по ней.

Там не все было просто. На чердаке мастерских засел пулеметчик, однако красноармейцы вовремя его срисовали. Все это явственно напоминало засаду. Но Шубин грамотно расположил людей и смог избежать потерь. Еще одного пулеметчика они засекли у управы, обошли и сняли.

У мастерских же пришлось поползать. Пулеметчик строчил, крошил гнилые бочки. Бойцы отвлекли внимание врага. Шубин побежал к крыльцу, чтобы подорвать гранатой эту отчаянную голову.

Его опередил красноармеец, оскалился в лицо. Дескать, просим пардона, товарищ лейтенант, но тут уж мы сами управимся. Ваше дело — командовать. Он оттер офицера плечом, проник в здание. Шубин отступил, спрятался за горку ржавого железа.

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

Боец не тянул резину, использовал гранату, разнес чердак. Пулеметчик картинно вывалился из разбитого окна.

Сзади кто-то хихикнул. Дескать, Гришка мастер по этой части, он вообще по металлу молодец.

Шубин обернулся, похолодел, словно привидение увидел, машинально отпрянул, чуть не перекрестился. Ему до сих пор стыдно было за свою реакцию. Рядом с ним лежал тот самый боец, так же скалился, подмигивал, будто по волшебству перенесся с чердака. Но это невозможно. Хутор Диканька вообще не здесь! Шубин по-настоящему испугался, про войну забыл.

— Привычное дело, все так реагируют, — заявил красноармеец. — Вы не бойтесь, товарищ лейтенант, голову вам проверять не надо. Это Гришка там, брательник мой. А я Федор. Мамка нас такими родила. Вместе обычно все делаем, а тут споткнулся я, а пока вставал, Гришка умотал. А вон и он. Смотрите, на крыльцо вышел, довольный такой. Сейчас я ему вставлю, чтобы от семьи не отрывался.

Позднее на построении Глеб недоуменно всматривался в их лица, а бойцы посмеивались. Мол, бесполезно, товарищ лейтенант, не найдете ни од-

ного отличия. Они из-под одного штамповочного прессы вышли.

— Как я различать вас должен, бойцы? — с улыбкой осведомился Шубин.

— Не стоит этого делать, товарищ лейтенант, — заявил один из братьев. — Мы вместе все делаем, начальство уже привыкло. Воюем, балагурим, а час придет, так и помрем вдвоем.

— Товарищ лейтенант, это, кажется, по нашу душу, — сказал вдруг красноармеец Иванчин, жилистый, подтянутый, с крупной головой и неприлично курносый.

Третья папироса осталась не прикуренной. По обочине катил мотоциклист в светлом полшубке. Он что-то кричал водителю полуторки, следующей параллельным курсом, махал рукой. Шофер сообразил. Секунду назад он не видел эту мелочь, еще немного, и сбросил бы в кювет. Полуторка сдала влево.

Мотоциклист подъехал, резко затормозил, спешился, небрежно козырнул.

— Товарищ Шубин? Старший сержант Уранцев, посыльный из штаба. Хорошо, что вы в город не пошли, а то искал бы полночи. Вас майор Суслов вызывает. Это срочно. У него майор из дивизионной разведки, уж больно нервный, не-терпеливый.

СВОЙ С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

— Понятно, — сказал Глеб. — Куда бежать, Уранцев? Где сейчас комполка?

— Не надо бежать, довезу, садитесь. Если не боитесь, конечно, против течения да сломя голову.

Лихой пилот стряхнул его с мотоциклета на окраине крохотного населенного пункта. Гремящее шоссе осталось в стороне. Деревня носила название Романовка и была полностью завалена снегом. Впрочем, узкие дорожки красноармейцы уже прочистили.

Шубин засеменил к крайней избе. Рядом с ней стояли вездеходы и броневедомоцикл БА на базе «эмки». У машин курили бойцы, очевидно, из резерва комполка. Часовой равнодушно покосился на лейтенанта, пролетевшего мимо. Он его уже знал.

Шубин миновал узкие сени, рискуя получить по лбу опасно выставленными граблями, обступчал снег с валенок, ударил в дверь и поволок ее на себя. В уши его ворвался треск телефонии, писк радиостанций.

— Разрешите? Товарищ майор, лейтенант Шубин по вашему приказанию...

— Давай без церемоний, быстро заходи, — заявил майор Суслов, невысокий, округлый, какой-то глянцевоый, но вместе с тем нормальный

командир, не боящийся принимать смелые решения. — Радуйся, Шубин, тому, что мы такие терпеливые.

— Так я вроде пулей, товарищ майор.

— Быстрее видали пули, лейтенант, — отрезал хмурый, ладно скроенный офицер с угловатой челюстью. — Все, проходи, давай к карте. Я майор Измайлов Федор Иванович, заместитель начальника дивизионной разведки. В Волоколамске доводилось бывать?

— Никак нет, товарищ майор.

— Хреново, лейтенант, очень даже. — Майор досадливо хрустнул пальцами. — А из бойцов у тебя местные есть?

— Вроде есть, товарищ майор. — Шубин наморщил лоб. — Слышал разговоры. Кто-то, кажется, родом из этого города.

— Вот так и воюем, черт возьми. Вроде, кажется! — Майор глухо ругнулся. — Ладно, получай приказ и выполняй или пеняй на себя. Да расслабься ты, лейтенант. — Майор Измайлов слегка подобрел. — Физиономия у тебя уж больно каменная, пушкой не пробьешь. Не злись, нервы у всех на пределе. Смотри, это город. — Измайлов обвел обмылком карандаша кусок карты, разложенной на столе. — Мы топчемся у предместий, не сем потери. Идем вот по этой улице и по этой.